

Вынужденные мигранты: жизненные трудности и ресурсы их преодоления

Последнее десятилетие ознаменовалось появлением в России нового типа мигрантов — беженцев и вынужденных переселенцев из стран СНГ и зон военных и международных конфликтов на территории России. Эти социальные группы переживают интенсивные изменения своего положения по отношению к прежней системе социальных отношений, являются мобильными в прямом и переносном смысле. Первые лица, вынужденно покинувшие места постоянного проживания, были зарегистрированы осенью 1991 г. Тогда их число составило 710 тыс. человек. На начало 1997 г. их насчитывалось уже 2,7 млн¹. Эта цифра относится только к официально зарегистрированным беженцам и вынужденным переселенцам, в то время как, по оценкам Миграционной службы, в нее обращаются лишь около трети всех приехавших. Например, в 1995 г. статус беженцев получили 69,4% претендента². Только в Москве в конце 1996 г. обитало не менее 350 тыс. человек, желающих получить статус беженца или вынужденного переселенца³.

Социальный портрет вынужденных мигрантов⁴

Распределение респондентов по возрасту и уровню образования свидетельствует о том, что из бывших союзных республик едут люди, обладающие качественным трудовым потенциалом. Преобладает активный трудоспособный возраст — 31-45 лет (36%), далее

---

¹ Мукомель В.И. Вынужденная миграция в СНГ // Миграция. 1997. № 1. С. 7.

² Зайончковская Ж. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии в России // Мир России. 1997. Т. 6. № 4 С. 25.

³ Ионцев В.А. Вынужденная миграция в России // Население и кризисы / Под ред. Б.С.Хорева. М., 1996 Вып. 2. С. 47

⁴ Здесь и далее используются данные межрегионального исследовательского проекта "Совладающее поведение в современной России: экономические и социальные стратегии андеркласса", осуществляемого при финансовой поддержке "Института открытое общество" (Фонд Сороса). Научный руководитель проекта доктор экономических наук В.В.Радаев. Данные собраны в ходе двух этапов проекта: 1) ноябрь—декабрь 1998 г. Углубленные интервью. Всего опрошен 101 человек, в том числе 31 вынужденный мигрант в г Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Краснодаре; 2) июнь 1999 г. массовый анкетный опрос (806 человек в четырех городах, в том числе 271 вынужденный мигрант) Задачи исследования обусловили ограничения опроса: опрашивались мигранты, недавно прибывшие в города (год назад и менее) и остановившиеся в областных центрах

идет возрастная группа 46-60 лет (23%), 25-30 лет (16%), пожилые — старше 60 лет (15%) и самые молодые — до 25 лет (10%). Достаточно высок уровень образования респондентов: 35% имеют среднее специальное, 31% — высшее образование (эта доля выше, чем в среднем среди населения в регионах).

Основная доля вынужденных мигрантов прибыла из Казахстана (36%), Чечни (16%), Узбекистана (12%), Таджикистана (9%), Украины (6%). Существенны различия среди четырех регионов, где проводился опрос. Так, половину екатеринбургских и нижегородских респондентов (47 и 52% соответственно) составили приехавшие из Казахстана. Беженцами из Чечни оказались 37% московских и 21% краснодарских респондентов, в то время как в Нижнем Новгороде и Екатеринбурге их насчитывались единицы. Это объясняется тем, что столица и регион, территориально близкий к зонам напряженности, принимают на себя первый удар вынужденной миграции, носящей экстремальный характер (беженцев войны), в то время как в более отдаленные города люди едут прицельно, имея за что зацепиться.

По роду своих занятий респонденты делились на момент опроса на три большие группы: наемные работники (35%), безработные (34%) и пенсионеры (15%); еще 7% занимались индивидуальной трудовой деятельностью.

Причины отъезда с прежнего места жительства

К основным выталкивающим факторам относятся *националистические настроения* (66%) и *общая тяжелая экономическая ситуация* в республиках (63%). Остальные факторы так или иначе являются производными от этих двух: *отсутствие регулярной работы* (48%); *незнание местного национального языка* (47%); *трудности с образованием и будущей работой детей* (47%); *криминогенная обстановка, угроза личной безопасности* (45%); *нарушение прав граждан и собственников* (44%). Можно выделить две основные причины маргинализации русскоязычного населения в новых независимых государствах: устранение сдерживающих националистические настроения механизмов и целенаправленная политика руководства республик, ставящая русских вне рамок правового поля, исключающая их доступ к ресурсам жизнедеятельности.

Драматичность ситуации усиливается тем, что она оставляет русскоязычным мало возможностей приспособиться к новым условиям. Те из них, кто пытался учить национальный язык, указывали на сложность обучения в зрелом возрасте либо на крайне низкий уровень преподавания. Бытовой же национализм основывается не столько на знании/незнании языка, сколько на европейской внешности, которая служит достаточным основанием к отказу в приеме на работу или к оскорблению. В условиях невозможности *справиться* с ситуацией социального исключения единственно радио-

нальным решением становится *бегство* из нее, т.е. вынужденное переселение.

Статус мигрантов на новом месте жительства

Переезд оказывается важным элементом социальной мобильности — не только территориальной, но и классово-профессиональной. В случае с вынужденными переселенцами наблюдается значительная нисходящая мобильность. Как видно из табл. 1, подавляющее большинство людей в результате переезда опустились на низшие ступени социальной иерархии; их "потолок" на данный момент — средние слои общества. Большинство мигрантов второй волны — это бывшие средние слои, среднеобеспеченное население, которым еще удалось собрать деньги на переезд, но уже не хватает на обустройство на новом месте (табл. 1).

Результаты анкетного опроса и интервью показали, что наиболее острыми для мигрантов являются проблемы материально-бытового плана: *нехватка средств для нормальной жизни* (79%); *отсутствие нормального жилья* (76%); *отсутствие регулярной работы* (45%). Переезд больно ударил по карману всех респондентов, лишив их важнейших ресурсов жизнеобеспечения. К наиболее существенным потерям относятся:

- жилье* (имели собственное жилье 91%, а сейчас — лишь 13%);
- регулярная оплачиваемая работа* (прежде имели 54%, а сейчас — 35%);
- сбережения* (45% против 9%);
- денежный доход, позволяющий жить нормально* (46% против 15%).

Таким образом, основные потери коснулись запаса "прочности" в виде экономических ресурсов. Обратим внимание, что сбережения и достаточный доход на момент переезда имели менее половины респондентов. Это позволяет утверждать, что переезд осуществлялся буквально за счет последних средств: основным источником их была продажа недвижимости в условиях ее стремительного

Таблица 1

Изменение положения вынужденных мигрантов в социальной структуре (по самооценке, в %)

Слой	Но прежнем месте жительства	В настоящее время
Элита	3	—
Высший	3	—
Выше среднего	18	1
Средний	52	24
Ниже среднего	17	35
Низший	6	22
Самый низший	2	18

обесценивания. В результате люди не смогли получить и сохранить "денежный эквивалент" проданного жилья: наиболее удачливым (35% респондентов) удалось продать его хотя бы за бесценок (в интервью назывались суммы от 300 до 5000 долл.).

Тяжелая ситуация с текущими доходами (наличие "достаточного" дохода отметили лишь 15%) оставляет людям мало шансов решить самую первоочередную проблему — жилищную. 33% семей снимают жилье, 31% живут вместе с родственниками, 7% смогли купить жилье и 6% живут в помещениях, предоставленных Миграционной службой. Наименьшая доля мигрантов, сумевших купить жилье, — в Москве (1,5%) и Нижнем Новгороде (4,5%), в то время как в Екатеринбурге это удалось 9% и в Краснодаре — 12%, поскольку там жилье более дешевое. Перспективы решения своей жилищной проблемы мигранты видят следующим образом: получить компенсацию за жилье и имущество или ссуду (25%); накопить денег и купить (построить) жилье (20%); получить от государства или предприятия (15%); получить жилье от родственников (3%); нет перспектив решения проблемы. (21%); затруднились с ответом 22%. Таким образом, какой-либо доминирующей стратегии решения жилищной проблемы нет.

Мигранты достаточно сильно дифференцированы как по своим возможностям, так и по представлениям о своих правах, а также обязанностях государства. Несмотря на то что речь идет о трудоспособных людях, лишь пятая часть всех приехавших рассчитывает на собственные силы в решении этой самой важной проблемы, позицию же большинства можно охарактеризовать как зависимую. Однако, учитывая приведенные выше данные о тяжелом материальном положении мигрантов, можно предположить, что подобные установки являются результатом трезвой оценки ситуации и своих реальных возможностей. Симптоматична высокая доля не видящих перспектив обеспечения жильем и затруднившихся с ответом (более 40% респондентов). Возможно, это кандидаты на переход в группы застойной бедности.

Потери вынужденных мигрантов в связи с переездом не ограничиваются материальными ресурсами. Типичной для них становится фрустрация от потери имущества, несоответствия прошлого и современного социального статуса, невостребованности на новом месте жительства своей специальности (такой, как шахтер или горный инженер). Вынужденная миграция безусловно относится к разряду ненормативных жизненных событий. Она вызывает экстраординарные нагрузки на психологию людей, кризис жизненных ориентации и предъявляет резко повышенные требования к их социальной компетентности¹.

---

¹ Мель Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: Проблемы образа Я в ситуации социального перелома // Вопросы психологии. 1995 № 5. С. 61.

Трудности входа в новое социальное окружение обуславливаются потерями *близких друзей* (на прежнем месте жительства они были у 94% респондентов, а сейчас — у 49%), *возможностей для любимых занятий* (72% против 49), здоровья (64% против 47). О негативном влиянии вынужденного переселения на физическое и психическое здоровье мигрантов упоминается в ряде публикаций¹. Потери не коснулись свободного времени и живущих поблизости родных, однако сложнее стало войти в новые социальные сети за пределами семьи.

Множественные потери определяют и *социально-психологические проблемы* вынужденных мигрантов. К важнейшим из них респонденты отнесли: *неуверенность в завтрашнем дне* (57%); *зависимость от внешних обстоятельств* (49%); *чувство бесполезности для людей и общества* (17%); *неуверенность в себе, неумение себя подать* (16%); *неумение ориентироваться в ситуации* (16%). УСЛОВИЯ незнакомого города, неопределенность перспектив, отсутствие времени на "раскачку", необходимость временного размещения обуславливают потребность в существенной поддержке со стороны. Вынужденный статус "просителей" и "нахлебников", ассоциация со "слепыми котятками", не ориентирующимися в новой местности, по словам респондентов, вызывают сильнейший дискомфорт.

Специфической для рассматриваемой группы является проблема *социально-правового статуса* мигрантов на новом месте жительства. Получение статуса вынужденных переселенцев и гражданства упоминаются как вторая по очередности задача (после жилья). Решение этих вопросов имеет как символическое (признание человека "своим"), так и не менее важное практическое значение: наличие городской прописки — условие легального трудоустройства и получения социальных льгот. Следует отметить негативное символическое значение слова "беженец", обозначающее чужака с низким социальным статусом. *"На нас же не написано, что мы беженцы, поэтому здесь к нам хорошо относятся"* (женщина, 31 год, из Казахстана).

По нашим данным, в областных центрах практически отсутствует проблема культурного конфликта переселенцев с местным населением. Объектом исследования были мигранты, обосновавшиеся в городах, в родной для себя урбанизированной среде; численность же их не столь велика, чтобы создать напряженность на рынке труда большого города. *"Плохое отношение окружающих к ним лично или к их семьям"* было отмечено лишь 6% респондентов. Однако в литературе описан конфликт другого типа, проявляющийся в ситуации, когда переселенец-горожанин попадает в сельскую местность. Данная стратегия решения жилищной проблемы мигрантов рассматривается государственными службами как сред-

¹ См., например: *Хаснулин В.И.* Здоровье и проблемы миграции в Сибири // Миграция. 1998. № 1; *Доицицын Ю.П., Лапин Н.Н.* Вынужденные переселенцы в крупном промышленном городе Сибири // Социологические исследования. 1995. № 9.

ство возрождения русских деревень. И это при том, что "85% вынужденных мигрантов — это бывшие горожане, из которых $\frac{2}{3}$ — выходцы из крупных городов и административных центров"¹. В этом случае происходит столкновение двух культур (городской и сельской), не говоря уж о том, что приехавшие занимают дефицитные рабочие места на селе.

Ресурсы преодоления жизненных трудностей

Хотя положение беженцев в общем можно охарактеризовать как тяжелое, а в ряде случаев — как критическое, они обладают значительными ресурсами самостоятельной интеграции в новую социальную среду. То, что переезд был цепью последовательных сознательных действий, что решение о нем вызревало постепенно и неоднократно обсуждалось на семейных советах и в кругу близких друзей, позволяет утверждать, что большинство людей производили ревизию наличных ресурсов, пытались хотя бы на несколько ходов предвидеть ситуацию, которая ожидает их на новом месте. Это планирование прежде всего касалось выбора нового места жительства. В среднем по выборке иерархия главных факторов этого выбора выглядит следующим образом (цифры по регионам сильно различаются, в скобках приведены наиболее значительные отклонения):

здесь есть родные, близкие, друзья — 79% (Москва — 65%);

более спокойная обстановка — 40% (Екатеринбург — 28%, Нижний Новгород — 54%);

есть возможность найти работу — 37% (Краснодар — 27%);

лучше экономическая ситуация — 28% (Нижний Новгород — 43%);

Мигрант (кто-то из его семьи) родом из этих мест — 23% (Москва — 11%, Нижний Новгород — 33%).

Социальные ресурсы. Поддержка родных и близких составляет социальный капитал мигрантов, обеспечивает информацию, доверие и нормы реципрокности, присущие их социальной сети². Переселенцы не оказываются "одинокими волками" на новом месте: развитая сеть безопасности на уровне межличностных связей оказывается гораздо важнее потенциально лучших возможностей, связанных с отчужденными формами отношений. О важности социальных контактов свидетельствует, в частности, опыт трудоустройства мигрантов, многие из которых устроились благодаря протекционированию знакомых. 60% опрошенных получили от родных в течение последних трех месяцев помощь советом,

---

¹ Витковская Г. Вынужденные переселенцы из ближнего зарубежья: Проблемы интеграции в российский социум // Миграционные процессы после распада СССР. Программа по исследованию миграции. М., 1994. Вып. 5. С 57.

² Woolcock M. Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27. N 2. P. 153.

информацией, моральной поддержкой, 41% — деньгами, 35% — вещами и продуктами, 23% — различными бесплатными услугами и помощью в домашнем хозяйстве.

Однако вторую волну вынужденных мигрантов характеризуют и учащающиеся случаи приезда людей на пустое место, просто потому, что *"понравился город"* (9% респондентов) или *"все равно было куда ехать"* (7%). Подобный авантюризм характеризует остроту ситуации на прежнем месте жительства и безысходность, испытываемую людьми.

Важным фактором вхождения в новую среду становятся трудности, общие с местным населением. Общие проблемы низкого уровня жизни и поиска работы способствуют самоидентификации себя с местными: *"Многие, как и я, без работы, много таких же, как и я, бедолаг"* (женщина, 40 лет, из Чечни,).

Экономические ресурсы. К ним относятся привезенное с собой имущество, денежные средства и наличие "конвертируемой" специальности. Именно в этих ресурсах мигранты обычно испытывают самый острый недостаток. Люди приезжают практически с пустыми руками, поскольку средства от продажи имущества за бесценок едва могут покрыть расходы на дорогу. В этом плане они говорят о своем намерении в терминах *"погорельцы"*, *"вообще ничего нет"*, *"начинаем все с нуля"*. Подобно безработным, вынужденные мигранты обычно трудоустраиваются с сильным понижением социального статуса.

Правовые ресурсы — российское гражданство, местная прописка и статус вынужденного переселенца. Они одинаково важны как в решении практических проблем трудоустройства и поиска жилья, так и в обретении статуса "своего". Так, многие мигранты первым этапом пройденного пути называли именно признание легитимности своего пребывания на данной территории на правах равного.

Деятельностные ресурсы. Представлены сознательным выбором сложившейся ситуации, готовностью взяться за любую работу, вообще к долгосрочным усилиям. Говоря о своей нынешней ситуации, мигранты оценивают то, что было сделано ими ранее. Психологическая подготовка к трудностям, а нередко и к существованию в экстремальных условиях, является значимой базой совладания с ними. *"Мы к этому были готовы. Знали, на что шли. Готовы были и к трудностям и с работой, и с жильем. Предполагали, что легкой жизни не будет. У нас ее и там-то не было, нигде нет"* (мужчина, 25 лет, из Казахстана). *"В любом случае, назад никто не собирается. Незачем было все это тогда затевать. Стиснув зубы, будем жить дальше, до конца"* (мужчина из Казахстана, 54 года). Наличие в речи респондентов фраз *"мы готовы начать все заново"*, *"мы справимся"*, *"заработаем"* — свидетельство принятия трудной ситуации как результата собственного сознательного выбора, лучшего из прочих возможных.

Большинство мигрантов уже находились в неблагоприятных экономических условиях на прежнем месте жительства, что позволяет им сейчас использовать свой прежний опыт выживания (индивидуальная трудовая деятельность, частная торговля). Здесь же стоит упомянуть такой вид ресурсов, как **удавшиеся шаги в направлении решения проблем**: удалось переехать, решить проблему с пропиской, найти, хотя бы и временную, крышу над головой, устроиться на работу, устроить детей в школу, сделаны первые покупки на новом месте. Подобные удачи свидетельствуют о поэтапном решении проблем и наличии стратегии как набора последовательных целенаправленных действий.

Именно неотчуждаемыми от личности ресурсами и невысоким уровнем ожиданий от государственных органов власти вынужденные мигранты отличаются в массе от двух других групп в нашем исследовании — "новых бедных" и безработных. Поэтому в случае с вынужденными мигрантами уместно говорить о большей социальной компетентности — владении "когнитивными, эмоциональными и моторными способами поведения, которые в определенных социальных ситуациях ведут к долгосрочному благоприятному соотношению положительных и отрицательных следствий"¹.

Символическая компенсация за утраченные возможности. Превращение тяжелой ситуации в благоприятную, нахождение плюсов в любом событии — тоже ресурс, который помогает избегать сильных стрессов. Его важным элементом становится снижение планки потребностей людей, принятие того факта, что им доступен только более низкий жизненный стандарт, чем тот, который был ранее. *"А я квартиру и не хотела бы, я с детства мечтала иметь свой домик, живность"* (женщина, 31 год, из Казахстана).

Эмоциональные ресурсы. Впечатления вынужденных мигрантов, вынесенные с прежнего места жительства, опыт дискриминации и унижений, обуславливают восприятие "той" жизни в черных тонах. На этом негативном фоне попадание в свою этническую среду, большой выбор телевизионных программ и печатных изданий на русском языке воспринимаются как величайшее благо: *"приятно видеть русские лица на улицах города", "здесь все свое как бы". "Обращались к людям на улице: как проехать, пройти, здесь гораздо доброжелательней, чем у нас. Люди намного добрее. И мы еще смотрим на цены на продукты, у вас здесь все относительно дешевле по сравнению с Карагандой, мы еще шутим: "Кризис... чем они [местные жители] не довольны?!"* (женщина, 23 года). Поэтому с описанием трудностей на новом месте тесно переплетены и позитивные эмоции.

Помощь со стороны государства и общественных организаций. Противоречивы оценки содействия местных властей пре-

---

¹ Мель Ю Указ соч С 61

одолению трудностей. Обращались за помощью в Миграционную службу 72% приехавших, в общественные организации — 30%. Судя по нашим данным, роль последних в адаптации мигрантов ничтожна. Исключение составляет Москва, где на фоне единичных положительных ответов в других регионах 17% респондентов получили юридические консультации, по 14% — денежное пособие и медицинскую помощь. Более заметна в регионах деятельность миграционных служб. В среднем по выборке отсутствие какой-либо помощи отметили 58% респондентов, в том числе в Краснодаре — 72%, в Москве — 66, в Екатеринбурге — 62, в Нижнем Новгороде — 31%. Вообще, нижегородские мигранты выделяются в плане позитивной оценки работы Миграционной службы: 46% получили от нее денежное пособие (в Москве — 11%, в среднем по выборке — 24%), 10% — временное жилье (по выборке — 3%), упоминаются медпомощь, помощь в растаможивании имущества.

Состояние наибольшей фрустрированности испытывают люди, возлагавшие значительные надежды на помощь извне. Эта категория респондентов наиболее часто упоминает о хамском и бездушном отношении чиновников. Позицию же большинства обращающихся в Миграционную службу характеризует скептически-отстраненное восприятие власти, которая не способна быть серьезным субъектом поддержки.

В целом ситуация вынужденных мигрантов характеризуется как достаточно длительный период деприваций — экономической, культурной, правовой. В регионах их прежнего места жительства деприваций носили внешний по отношению к респондентам характер и были обусловлены общей социально-политической и экономической ситуацией. Принятие же личных решений о переезде потребовало от людей сознательного выбора приоритетов и подсчета выгод и издержек. Платой за возможность жить в своей этнической среде, обрести гражданские права и дать образование детям стали материальные лишения и необходимость круто менять привычный жизненный уклад.

При всей сложности ситуации мигрантов на новых местах жительства, она редко воспринимается ими лишь в черных красках. Новая социальная среда, требуя от них постоянных сверхусилий, одновременно является и новым пространством для деятельности и самореализации. Последнее обуславливает необходимость переоценки своих возможностей, задействования новых ресурсов для преодоления трудностей.

Важнейшими ресурсами в условиях потери имущества и необходимости начинать жизнь заново являются социальные (поддержка родственников) и деятельностные (опора на собственные силы, готовность к проявлению активности).

Предпринимаемые мигрантами действия и их интерпретации во многих случаях позволяют говорить о наличии *стратегии совладания с жизненными трудностями*. Это понятие отражает степень сознательного планирования в неблагоприятных обстоятельствах. Оно может варьировать от осуществления четких, обдуманых заранее планов, которые корректируются по мере изменения внешних обстоятельств или ситуации в домохозяйстве, до реакций *ad hoc* на трудности без видимой цели, кроме поддержания нынешнего статуса¹. Большая выраженность стратегий совладания с трудностями у данной категории респондентов по сравнению с "новыми бедными" и безработными объясняется, во-первых, более экстремальным типом условий существования, когда при резко изменившейся социальной среде активизируется адаптационный потенциал людей, а во-вторых, тем обстоятельством, что эта ситуация ими сознательно выбрана.

---

¹ Forrest R., Kennet T. Coping Strategies, Housing Careers and Households with Negative Equity // Journal of Social Policy. 1996. Vol. 25. Pt. 3. P. 373.